

- Чем я могу служить, милорд? – спросил Давос, войдя в кабинет сюзерена.

- Скажи, Сиворт, ты можешь незаметно проникнуть в Ловербэй? – осведомился лорд Станнис. Выражение лица у него было таким же, как и всегда, хмурым, не располагающим ни к чему хорошему или веселому. Однако от него буквально исходило что-то, контрабандист сильно затруднялся с определением. Какое-то внутреннее самодовольство.

- Я... могу попытаться, милорд, - осторожно ответил Давос. Не сказать, что вопрос застал его врасплох или как-то уж сильно озадачил, он просто трезво оценивал свои возможности и не хотел давать лорду Станнису напрасную надежду.

- Так ты можешь или нет? – чуть подался вперед сюзерен, в голосе промелькнули раздраженный нотки.

- Это очень сложный вопрос, милорд, - вздохнул контрабандист и, видя, что лорд стремительно теряет терпение, вновь начинает говорить, - проникнуть туда с моря я не смогу даже ночью, там сейчас столько кораблей, что меня заметят даже на самой утлой рыболовецкой лохани. В принципе, я могу взять самую грязную посудину, которая только есть, и идти вдоль скал на веслах, огибая остров с левой стороны. Как я заметил, с той стороны кольцо блокады чуть менее плотное. Затем можно высадиться в половине километра от Ловербэя и попытаться проникнуть туда под видом обычного крестьянина или рыбака. Только, боюсь, что на этом все и закончится. Меня вполне могут узнать.

- Хм, да, этого я не учел. А у тебя нет на примете кого-нибудь, кто смог бы отправиться в Ловербэй вместо тебя и разнюхать там?

- Боюсь, таких людей нет, милорд. Чтобы разузнать... последние новости нужно иметь знакомства в... определенных кругах. В Ловербэе живут некоторые ваши, безусловно, законопослушные подданные с не слишком... чистым прошлым. Меня они знают и имеют передо мной некоторые долги. С учетом сложившейся ситуации... их совесть не позволит им продать лишь меня. Любой другой посланник попросту обречен.

- А у таких людей есть совесть? Занятное открытие. И когда ты собирался мне сообщить об этом, сир Сиворт? О том, что в моих владениях живут подобные... подданные? – тон сюзерена был спокоен и в чем-то даже ленив. Однако по спине Давоса пробежали мурашки размером с крупных, рыцарских коней.

- Ваша светлость, эти люди не совершали преступлений в ваших владениях, они давно покаялись и отошли от прежней жизни. Сейчас это всего лишь старики с кое-какими интересными связями. Вы можете наказать меня, но позвольте прежде отправиться в Ловербэй и все разузнать, - бывший контрабандист решил не отпираться, лишь постарался немного сгладить углы.

Минуту лорд Драконьего Камня сверлил пристальным взглядом своего вассала, затем его лицо скривилось так, словно он попробовал бормотуху из самого бедного трактира.

- По-хорошему тебе бы руку надо отрубить. В иное время я бы так и поступил, но сейчас мне очень нужны твои таланты. Сделай все, чтобы тебя не раскрыли.

- Милорд, а это действительно так нужно сейчас? Может быть, лучше будет подготовить

экипажи к... - несмотря на боязнь таки получить наказание, Давос таки озвучил вопрос, который мучал его еще с самого начала разговора. Однако был прерван, не сумев договорить до конца.

- Да, именно это сейчас мне и нужно! Я уверен, что в ближайшее время враги не будут нас атаковать. Иди, Сиворт, не испытывай мое терпение.

- Стой! Кто ты такой, и куда идешь?! - надменно окликнул Давоса конный латник с коттой, на которой красовался герб Таргариенов.

Бывший контрабандист умудрился наткнуться на отряд всадников. Не сказать, что подобная встреча стала для него сюрпризом, просто он не ждал, что подобные патрули будут разъезжать так нагло, вблизи заставы, которую все еще держит Роланд Шторм.

Фактически эта застава отделяет территорию острова, которую все еще контролирует лорд Станнис, от всего остального, что было отдано на откуп Рейегару Таргариену. Как ни печально это признавать, но все, чем может теперь располагать его сюзерен, это сама крепость и три четверти горной дороги, ведущей к ней.

- Я? Дык, Роли я, м'лорд. Вот, значица, рыбку иду пр'давать, в Л'вербэй, - старательно начал играть косноязычного селянина Давос, демонстрируя мешок, набитый засоленной форелью. Вдобавок на нем была весьма потрепанная льняная рубаха, опоясанная простой веревкой, засаленные штаны и старые, практически стоптанные сапоги.

- Иди, куда шел, деревенщина, - сквозь зубы процедил, судя по всему, командир всадников, имеющий довольно густые белые усы. Внешность безошибочно выдавала в нем чистокровного андала.

- Бл'годарствую, м'лорд, - буквально переломился пополам Давос и поспешил скрыться с глаз только что разминувшихся с ним неприятностей. Сами всадники тут же потеряли к нему интерес и поскакали куда-то на северо-восток.

До самого города Давос не встречал вооруженные отряды. На въезде ему пришлось выдержать еще одну проверку. Благо, помимо него в Ловербэй стремилось попасть немало крестьян. Начавшаяся война осталась для них практически незамеченной, и они все также стремились попасть в город, озвучивая стражникам практически те же поводы, что и Давос патрулю пару часов назад.

Бывший контрабандист довольно ответственно подошел к своей маскировке, даже разговаривая с акцентом коренного жителя Драконьего Камня. На фоне прочих, желающих попасть в город он совершенно не выделялся. Единственное, что могло его выдать, это отрезанные пальцы. Однако Давос надел толстые перчатки, в которые подложил деревянные. Если не приглядываться, никто ничего и не заметит.

Стражники исправно выполняли свои обязанности, тщательно проверяли всех, кто вез хоть какую-нибудь поклажу. И, что было для Давоса немного удивительно, даже не пытались драть с крестьян хоть какую-то плату, а просто пропускали их в Ловербэй после осмотра.

Как бы ни хотелось бывшему контрабандисту поскорее попасть внутрь, он вынужден был

многократно уступать другим свою очередь, не без основания надеясь, что со временем стражники утомятся, их взгляд замылится, и у них слегка поубавится служебное рвение. Главное, не промедлить и не попасть до того, как караул сменится.

Давосу пришлось стоять под палящим солнцем с не самым легким мешком в руках три часа к ряду. К этому времени он решил, что, пожалуй, уже пора, и перестал пропускать свою очередь. Конечно, он весьма порядочно утомился, но, если бы это нужно было для дела, отстоял бы еще столько же.

Напрягшаяся было струна нервов, когда очередь таки до него дошла, быстро распрямилась. Стражники заглянули к нему в мешок, нашли там лишь рыбу, вручили какую-то деревяшку, на которой было что-то начертано и свободно пропустили в город.

Давос сразу же постарался сойти с главной улицы и юркнуть в одну из, так называемых, «кротовых нор». Промежутки между домами, порой настолько тесные и грязные, чтобы ни один человек без крайней нужды туда не сунулся. Этим с успехом пользуются всякие мелкие преступники, чтобы передвигаться по городу и быть незамеченными. Правда, с тех пор, как в Драконьем Камне поселился лорд Станнис, это не сильно помогает всякому сброду. Пятнадцать лет назад в Ловербэе произошла тотальная облава, в ходе которой были вскрыты и уничтожены все бандитские гнезда.

С тех в городе осталась лишь «чистая» преступность, всякие не слишком чистые на руку дельцы, контрабандисты, немногочисленные взяточники, достаточно умные, чтобы не попадаться. Также здесь осели бывшие пираты и контрабандисты, по каким-то причинам отошедшие от прежних дел. К одному из таких Давос сейчас и направлялся. Несмотря на свою безоговорочную верность сюзерену, бывший контрабандист не спешил сдавать их на суд лорда Станниса. Все-таки они были его друзьями, которые уже давно покончили с прошлыми делишками.

Если все закончится удачно и для него, и для лорда Станниса, Давос сделает все, чтобы господин забыл о том, что в его владениях живут подобные личности. До того, как свернуть в одну из «кротовых нор» бывший контрабандист отметил, что в Ловербэе царит какая-то, чуть ли не праздничная атмосфера. Люди свободно ходят по улицам и совершенно не боятся солдатских патрулей, которых, на взгляд бывшего контрабандиста, как-то уж чрезмерно много. Нигде нет следов грабежей и пожаров, трупы не валяются на улице. Ощущение, будто и не было никакого штурма и битвы, словно стража с одним гербом просто сменила стражу с другим гербом.

Прислушавшись к разговору двух богато одетых, дородных горожан, Давос заметно погрузтел. Однако долго слушать болтовню ему не пришлось, неподалеку была относительно просторная «нора», в которую он, выгадав момент, шмыгнул.

Прикрыв нос рукой, бывший контрабандист двинулся в нужную сторону. Витающие здесь ароматы живо напомнили ему о родном Блошином Конце. Век бы о нем еще не вспоминать!

В какой-то момент Давос почуял в окружающей вонии довольно таки характерный аромат, трупный смрад. Вскоре он заметил и сам источник запаха. Человеческий труп. Мужчина в легком кожаном доспехе, в плаще с капюшоном, накинутом на голову, без шлема. Котты с гербом на нем не было, сходу понять, кому он служил, бывший контрабандист не мог. В ноге торчала стрела. Судя по засохшей крови, буквально пропитавшей штанину, умер он от большой потери этой самой крови.

Подойдя поближе, Давос осмотрел мертвеца внимательнее. Судя по положению, в котором находится тело, и по следам на уже подсохшей грязи, мужчина от кого-то убежал, и у него это даже получилось, вот только он словил стрелу и банально истек кровью. Хоть герба и не было, однако не трудно было понять, кто может вот так лежать в городе, всего день назад взятом на меч.

Нагнувшись, бывший контрабандист опустил мертвецу веки, сильно жалея, что не может достойно похоронить этого, в сущности, незнакомого воина.

Спустя десять минут, идя по пути, заваленном нечистотами, Давос был у нужного дома. Благо, друг сторонился людных мест, поэтому его жилище располагалось вдали от центра, где полно людей. Простучав массивным дверным молотком пять коротких и два длинных стука, Луковый Рыцарь принялся ждать. Он практически не сомневался в том, что старый приятель дома. Не в его правилах разгуливать по улицам, когда у города отнюдь не мирно сменился хозяин.

Давосу пришлось ждать несколько минут прежде, чем послышалось хоть какое-то шевеление. Еще через минуту дверь немного приоткрылась, натягиваясь на позолоченную цепь. В образовавшемся проеме показался полностью лысый, смуглый старик с полностью седой щетиной, в чертах которого знающий человек с легкостью опознает уроженца Мира.

- Давос?! Во имя сисек Гестинды*, ты что здесь делаешь?! - полушепотом воскликнул хозяин дома, опознав стоящего за порогом. Его лицо говорило намного больше его слов. У мирийца мимика оказалась на редкость выразительной, весьма красноречиво отображая, что он думает про умственные способности бывшего поделщика.

- Может,пустишь меня, Вал? Внутри и поговорим, - тоже негромко ответил бывший контрабандист.

Названный Валом высунул голову из-за двери и несколько раз воровато оглянулся. Не обнаружив никого, он такипустил Давоса.

Оказавшись внутри, бывший контрабандист, пока хозяин возился с многочисленными запорами, прошел туда, где старый друг устроил кухню, нашел бочонок с питьевой водой, окунул в него подвернувшийся глиняный кувшин и от души напился. Обычная вода казалась ему самым сладким дорнийским вином. Взятый с собой мех он уже давно израсходовал, вот уже несколько часов мучаясь жаждой.

- Хотел сказать, чтобы ты чувствовал себя, как дома, но ты, смотрю, и так ни в чем себе не отказываешь, - хмыкнул Вал, зайдя на кухню.

- Извини, что так невежливо, но я и правда умирал от жажды, - отозвался Давос, утолив потребность своего организма.

- Можешь не извиняться, старина, я все понимаю, ты наверняка проделал нелегкий путь, дабы оказаться здесь. Что тебе нужно, Давос? - дружелюбные нотки в голосе старого мирийца на последней реплике испарились, преобразившись в металл. А рука как бы, невзначай легла на пояс, на котором висел кинжал.

- Буду откровенен, я здесь по поручению лорда Станниса, ему очень надо знать, что происходит в городе... и не только, - не стал ходить вокруг да около Давос. Как бы то ни было, он прекрасно понимал, что идет на риск и что ему вряд ли окажут теплый прием.

Вал ничего на это не ответил, только посверлил Давоса несколько секунд весьма

выразительным взглядом. Подойдя к печке, он открыл большую чугунную кастрюлю и принялся выкладывать из нее на деревянную тарелку наваристый суп с кусочками мяса. Наполнив одну, он тут же принялся за другую.

- На, держи, с голодухи такие дела не решаются, - протянул ему Вал тарелку с супом вместе с большой, отполированной, деревянной ложкой.

Усевшись за небольшой, кухонный стол, старый мириец принялся жадно насыщаться. Давос решил не обижать хозяина и отведать его стряпню. Надо признать, суп вышел вполне неплохой, хотя до Марты его бывшему поделельнику, как до Кварта на карачках.

- Итак, ты хочешь, чтобы я помог тебе в весьма опасном деле, которое с высокой вероятностью обернется для меня петлей или чем похуже? - осведомился Вал, когда они оба опустошили свои тарелки.

- Кхм! Дружище, ты неправильно понял ситуацию. Я не собираюсь втягивать тебя ни во что опасное, мне просто нужна информация. Что происходит сейчас в городе? Что говорят люди? Настроения, слухи - все, что угодно.

- Давос, дружище, да я уже второй день сижу здесь, как в осаде. Удивительно, что ко мне еще никто не постучался в поисках золотишка. Видимо, умудрились откопать заначку старины Горилоса, и забыли обо всем от счастья. Если так, то хвала Эгуру* за это! Меньше камней на мою старую голову, - проникновенно начал говорить старый мириец, под конец устало махнув рукой.

В этот момент раздался звучный стук в дверь, от которого подскочили, словно их ужалила в задницу гигантская оса.

- Там, на печке ткань, отбрось ее на хрен. Под ней арбалет, - осторожно, шепотом произнес Вал.

- А ты? - осведомился бывший контрабандист, доставая из указанного места смертоносную машинку.

В ответ старый мириец закатал рукав на правой руке, обнажая весьма хитрое приспособление. Небольшой кожаный наруч, к нему был привязан миниатюрный самострел, заряженный маленькими болтами размером с большие гвозди.

- Они отравлены, - пояснил старый мириец, подходя к двери - одна царапина, и можно хоронить.

- А сам не боишься поцарапаться? - спросил Давос, следуя за другом и на ходу натягивая арбалет. Благо, эта машинка представляла собой довольно таки легкий вариант самострела, опасный только на относительно близких дистанция и не требовала большого напряжения сил для перезарядки.

- Откройте! Стража! - раздался от двери басовитый крик и грохот дверного молотка.

Сердце Давоса ушло в пятки. По лицу обернувшегося к нему Вала бывший контрабандист понял, что он испытывает примерно те же чувства.

Громада драконьей крепости буквально нависала над островом и казалась чем-то волшебным, недостижимым. Будто творение богов, возведенное не для людей. Даже не верилось, что они идут его штурмовать.

Балиан вообще слабо представлял себе, как такой замок вообще можно взять штурмом. Особенно без осадных машин. Хотя после всего, что с ним произошло, теперь уже десятник стал сомневаться во многом, что раньше казалось ему непреложной истиной.

По новоприобретенной привычке воин напряг мышцы на запястье правой руки и чуть пошевелил пальцами. Таким образом, он проверял на месте ли конечность. Конечность оказалась на месте, и Балиан на короткое время оставил руку в покое, до следующего раза.

В первые секунды, когда часть руки отлетела в сторону, из обрубка хлестала кровь, а товарищи тащили его в тыл, Балиан не произнес ни слова, не кричал, не вырывался – не истерил, в общем. Он пребывал в каком-то странном оцепении, с невероятной четкостью осознавая происходящее вокруг, но не придавая этому никакого значения. Словно кто-то похитил у него все эмоции, и ему просто стало все равно. Даже боль ощущалась как-то странно. Вроде бы, она есть, но в то же время самому солдату было на нее плевать, как и на все остальное.

Как такового госпиталя в тот момент еще не существовало, негде было его развернуть. В наличие имелся небольшой участок мелководья, где вода доходила людям до колена. Не было кроватей, лишь руки специально отобранных для этого крепких солдат, который помогали тяжелораненым. Лекари довольно умело чинили тех, кому в этой битве не повезло.

Самого Балиана напоили маковым молоком и перевязали культю. Самого его поддерживали крепкие солдаты, которых, как он потом узнал, называют «санитарами». Что было дальше, он не слишком помнит, из-за макового молока сознание пребывало в густом тумане. Очнулся он на следующее утро на лежанке в каком-то, судя по обстановке, богатом особняке. Был он там, конечно же, не один. Помимо него, в просторной и богато обставленной комнате находилось еще сорок человек. Лежанки, на которых лежали грязные, окровавленные солдаты, очень резко контрастировали с экзотическими растениями, позолоченными колоннами и песочного цвета мозаикой на стенах. Позже парни рассказали ему, что король на время выгнал градоначальника из собственного поместья и устроил здесь госпиталь.

Несмотря на то, что все его соседи, как и сам Балиан, лишились то или иной части тела, обстановка в помещении царя довольно таки веселая. Покалеченные воины общались друг с другом, шутили, травили байки. Его пробуждение не осталось незамеченным, Воина стали расспрашивать о том, что с ним произошло. Узнав о том, что его ранило практически в самом начале битвы, парни наперебой принялись просвещать его о дальнейших событиях.

По их словам выходило, что, когда надежда практически оставила всех, и вера в победу почти что растаяла, с неба, в черно-золотых латах спустился король и стал в первых рядах рубить врагов. Он был настолько быстр, что ни один меч, копьё или стрела не коснулись его и истребил столько, что после этого солдатам ничего не оставалось, как победить.

Ребята рассказывали ему такие подробности, что у него вполне обоснованно закрадывались сомнения в их словах. Конечно, он любил солдатские байки, да и сам был не дурак приукрасить какую-нибудь историю, добавить в нее специй, так сказать. Вот только, когда несколько десятков взрослых мужиков горячо и на полном серьезе заявляют ему вещи прямо из самых дурных на всю голову историй, это, мягко говоря, выбивает из колеи. К тому же, они еще умудрялись спорить в процессе.

В тот момент было очень похоже, что ему просто-напросто дуют в уши. Скучно мужикам, решили повеселиться за его счет, бывает. Он не стал называть их лгунами или как-либо разоблачать, просто начал наслаждаться увлекательной историей, которую не каждый сказитель* сочинит. К тому же, это весьма неплохо отвлекало от тяжелых дум.

Вскоре им принесли довольно сытную похлебку со свиной. После полудня к ним пришли весьма симпатичные служанки (кажется, их было одиннадцать). За пару часов они помыли и переодели в чистое всех раненых в помещении. Санитары принесли в помещение четыре деревянных ванны, в которые могло бы при желании поместиться и два человека, и их стали по очереди мыть. Воду, кстати, после каждого помытого меняли. На взгляд Балиана это было просто невероятным расточительством.

Когда очередь дошла до него, все мысли очень быстро вымело из черепашки. Нежные девичьи ручки горячая вода, буквально ласкающая усталую и грязную плоть, погрузили его разум в сладкую негу.

Выходить из этого состояния очень не хотелось, но он был не единственным, кто должен быть сегодня чистым. Ему дали штаны и рубашку из светлой и очень приятной на ощупь ткани. Одевшись с помощью санитаров, Балиан вернулся на лежанку и за считанные мгновения провалился в сон. Не особенно беспокоила даже саднящая кулья, уже успевшая доставить ему много «приятных» ощущений.

Проспал он не очень долго, поспев к обеду. После того, как все набили животы, продолжился обычный треп. Все они были калеками, и никому не хотелось думать об этом, оставшись наедине с самим собой. Балиан даже не очень понимал, почему с ними носятся, словно с какими-то благородными. Богатый особняк, хорошая еда, а не обычная армейская похлебка. Еще это купание. Балиан, конечно, не раз бывал в банях, но вот так профессионально его еще ни разу не обрабатывали. К тому же, бесплатно.

А потом, уже практически перед закатом произошло то, что основательно выбило Балиана из колеи и заставило пересмотреть очень много в своей жизни. К ним пришел король.

До этого Балиан видел его только один раз, на острове, и то, издали. Первое, что поразило солдата, это облик правителя. Вот уж точно, о чем слухи не вдали, так это о нечеловеческой красоте драконьих владык. Да будь у Балиана такое личико, не он бы платил девкам, а они ему! Серебряные волосы были убраны назад и заплетены в небольшую косу.

Примечательной была и его одежда. Никаких украшений, золота, ярких оттенков – всего того, что так любят богатые лорды. На короле были черные, словно ночь одежды, и все было одного и того же оттенка. Сапоги, штаны, рубашка и дублет. Даже висевший на поясе меч был в черных ножнах и с черной же рукоятью.

Удивительно также было то, что он пришел один, без какого-либо сопровождения. Насколько Балиан вообще мог судить об этом, такое могло случиться, только если король хотел поговорить с кем-то наедине, но к ним подобное явно не относилось.

Стоило Балиану только более или менее рассмотреть гостя, как он поздоровался с ними. Просто поздоровался, словно они его давние знакомые, с которыми он так здоровается уже на протяжении многих лет. Не успел он, как следует, изумиться, как все вокруг затопил яркий, белый свет. А его коснулось что-то очень теплое, согревая не тело даже, а словно саму душу. Продолжалось, по ощущениям Балиана, где-то минут двадцать. Закончилось это так же внезапно, как и началось.

- Семеро даровали вам свое Благословение, будьте же достойны этой чести! – молвил тогда король. Что-то в его голосе было такое, от чего у Балиана волосы встали дыбом, а по спине пробежал табун мурашек.

Сказав это, он тут же покинул их, а солдат по привычке почесал нос. Правой рукой. В первые секунды Балиан даже не осознал случившееся, благо, соображал он быстро, заметив, что отрубленная не так давно конечность вновь оказалась на своем законном месте. Тут уже начали доноситься возгласы от его соседей (по большей части это был забористый мат).

Все возбудились сверх всякой меры, в одно мгновение поднялся такой гвалт, что уши закладывало. Балиан тоже считал своим долгом поделиться своими чувствами с окружающими, и его голос очень неплохо вливался общий шум.

Вскоре к ним буквально вбежал какой-то незнакомый рыцарь, ему пришлось потратить некоторое время, чтобы успокоить бывших калек. Кому досталось крепкое слово, а кому и затрещина (особо неугомонным).

Довольно быстро им принесли новую одежду и как полностью здоровых погнали в расположение войск. В процессе Балиан испытал довольно смешанные чувства. С одной стороны он теперь не калека, а с другой его погнали с такого шикарного места, к которому он уже успел привязаться всей душой. И неважно, что был он там всего меньше дня! Настоящая любовь она такая, приходит с первого взгляда!

Некоторое время они болтались ни туда, ни сюда, в лагере просто не знали, куда их деть. С учетом того, что выздоровели вообще все раненые, бардак был еще довольно умеренный. В конце концов, их таки распахали по бывшим местам службы. Балиан вновь увидел рожу сира Берка и септона Гара. Оказалось, что в их полусотне погибло больше половины, в том числе и Гейл, их сержант, а также практически вседесятники. Ему, как бывшему члену дружины, предложили постдесятника. И он, не будь дураком, согласился.

К тому же, в часть прибыла куча незнакомых солдат, командовать ими Балиану было намного проще, чем старыми товарищами. Никаких поблажек или просьб «по старой дружбе». Времени прохлаждаться у него особенно не было. Вернулся, получил десятника, подорвался, построил теперь уже подчиненных и буквально отрубился от усталости.

Думать о своем чудесном излечении у него попросту не было времени. Такая возможность появилась только утром. Вопреки тому, что было накануне, Балиан проснулся рано и был просто до неприличия бодр. Разум же сиял чистотой работы самого искусного стеклодува. Новоиспеченный десятник не был ни особенно верующим, ни особенно верным. Такие слова как: «долг», «верность», «служба» значили для него только в контексте денежного выражения. Другими словами, он служил, был верен и признавал за собой долг только до тех пор, пока это было ему выгодно. Если бы кто-то в свое время предложил ему лучшие условия, чем у лорда Бар-Эммона, он бы, ни секунды не раздумывая, согласился.

Правда, Балиан не афишировал эту сторону своей природы даже перед старыми товарищами. Не поймут, перестанут доверять, спину не прикроют в случае чего. А может, и вообще донесут командующему, и полетит один говорливый идиот из дружины вперед собственного визга.

После того, как он оказался на том острове и поклялся в верности новому королю, ничего в его сознании не изменилось. Ну да, появился еще один господин, ну и ладно. Раньше служил лорду, теперь королю. Платить стали больше, ну и хорошо. Сказки септона не воспринимались им всерьез, единственным и самым действенным мотиватором Балиана были золотые и

серебряные монеты. Он был готов убивать и умирать за них.

Такое мировоззрение у него сформировалось в течение жизни, а точнее за те годы, что он провел в абордажном мясе. С ними обращались, словно со скотиной, давали жрать ровно столько, чтобы не загнулись от голода. Если кто-то умудрялся подхватить лихорадку или, не дай Семеро, получить хоть сколько-нибудь серьезную рану, того тут же выбрасывали за борт.

Балиану несказанно повезло, что он не только выжил, но и вырвался из этого ада. Но вырвавшись, солдат ничего не забыл, помнил о том, что для лордов и прочих благородных такие как он – не люди, а скот, с которым можно делать все, что угодно. А септоны – ленивые и жадные твари, прислуживающие этим самодовольным ублюдкам.

Не сказать, что Балиан отчаянно ненавидел всех вышеперечисленных. Годы спокойной и сытой жизни на Крюке Масси здорово примирили его с несправедливостью жизни. Но вот каких-либо положительных чувств он к «вершителям судеб» не питал.

Но вот, всего несколько часов назад Балиан столкнулся с совершенно другим отношением. Он понятия не имел, что там сделал король или Семеро, но факт в том, что один из этих самых «вершителей» не просто снизошел до простых солдат, но сотворил настоящее чудо, помог калекам, а не выбросил их. Это обескураживало Балиана сильнее, чем то, что отрубленная рука отросла всего за несколько минут.

«Что ж, может эти септоны не так уж сильно и брешут» - подумал тогда десятник.

Долго валяться на койке ему никто не дал, вскоре прозвучал сигнал к пробуждению, и ему, как командиру, пришлось подниматься и будить свой десяток. Сначала все было как обычно, то есть согласно распорядку, введённому на острове. Небольшая разминка, завтрак, полчаса свободного времени, строевая подготовка. А вот потом по всему войску зазвучали рога и команды, они снимались с места и шли к Драконьему Камню. Большой поклажей их никто не нагружал, с собой они взяли только самый минимум провизии и пошли походным строем. Который, как знал Балиан, предназначен для коротких марш-бросков. С учетом расстояния до крепости это имеет смысл.

Хотя он не понимал, почему идут только они одни. Где осадные машины с их расчетами? Разве не правильнее будет подтянуть еще и морячков? Так как Балиан долгие годы был этим самым «морячком», он прекрасно знал, что среди них должно быть полно неплохих воинов и стрелков, которые будут очень даже не лишни при осаде такого замка, как Драконий Камень.

Даже будучи до недавнего времени Балиан понимал подобные чуть ли не прописные истины. Недоумение его было так велико, что он не выдержал и обратился к сиру Берку. Тот, как ни странно, не послал его, куда подальше, выполнять свои обязанности. Судя по всему, рыцарь тоже задавался подобными вопросами. Но, увы, он так же, как и десятник ничего не знал. Балиану оставалось только пожать плечами и исполнять свой долг.

Надо сказать, он не знал, что быть десятником так тяжело, особенно, когда твои подчиненные – вчерашние крестьяне, единственное умение которых держать копьё, как надо. Раньше их полусотня считалась чуть ли не элитным отрядом, куда входили бывшие члены дружин, после потерь во время высадки отряд разбавили обычными рекрутами. Уже не «мясо», но и на полноценных воинов они совсем не тянули. И возиться с ними пришлось Балиану.

Через час, когда войско уже порядочно отошло от Ловербэя, он уже начал жалеть, что согласился стать десятником. Эти болваны постоянно сбивались, не могли идти ровно, за ними нужен был глаз да глаз. У Балиана уже начинала от всего этого голова болеть. Он командир, а

не нянька!

Помимо воли его взгляд то и дело соскальзывал на скачущих неподалеку всадников. Сверкающие стальные кирасы, шлемы с поднятыми забралами, щиты с красным драконом на черном поле, длинные копья, прямые спины и вздернутые носы. «Где же вы были раньше, такие красивые?».

Рядом с этими гусаками ехали все самые важные шишки. Король в удивительных черно-золотых латах и с огромным двуручником, притороченном к седлу такого же черного скакуна с подходящей по стилю броней. Вот неподалеку скачет молодой лорд Дюрам. Несмотря на то, что юнец всеми силами старался показать невозмутимость, опытному вояке было прекрасно видно, что он здорово нервничает. Лорд Санглас, последнюю неделю пребывания на острове именно он сменил сира Гаста, а потом командовал ими во время высадки в Ловербэй. У Балиана он вызывал неоднозначные чувства. С одной стороны он был опытным воином и грамотным полководцем, за что десятник уважал его. С другой, он не слишком то и жалел солдат. Если надо пожертвовать кем-то, лорд Святой Бухты сделает это без всяких колебаний. И такое отношение Балиан недавно ощутил на себе, когда его с товарищами бросили в самое пекло, на гвардию Станниса Баратеона, пока остальной десант высаживался, накапливаясь на побережье. Белый плащ с желтым семиконечными звездами и шлем с наносами в виде птичьих крыльев в купе с сияющими, чуть ли не, зеркальным блеском латами придавали ему довольно величественный и эффектный вид.

Остановились они спустя полтора часа в полукилометре от вражеского лагеря, который, судя по всему, попытались превратить в какой-никакой форт. С учетом местности, когда нападающие вынуждены взбираться на гору, а обороняющиеся могут поплевывать на них сверху, получились более или менее сносные укрепления. Широкий ров с кольями, хиленький частокол, несколько низеньких башен, крытых тканью и полное отсутствие каких-либо ворот. Почему враги не заперлись в более надежной крепости, осталось для десятника тайной, покрытой мраком. Однако даже эти укрепления обещали солдатам множество «приятно» проведенного времени.

Прозвучали рог, а затем и команды перестраиваться в атакующий порядок. Балиан пару секунд замешкался, забыл, что ему теперь тоже вроде как положено отдавать команды. Благо, его заминка была не критичной, и ее никто не заметил. Прикрикивая на подчиненных, он всеми силами старался выстроить их в ряд, как можно ровнее. Сейчас десятник как никогда понимал сира Геррика, лейтенанта, командовавшего абордажной группой, в которой ему не посчастливилось оказаться. Хотя лютой ненависти к означенному лейтенанту это никак не уменьшало.

Несмотря на то, что в этот раз Балиану повезло не оказаться в первых рядах, он все же был достаточно близко от передовой, и ему было прекрасно видно, что происходит впереди. Этому еще неплохо способствовала местность. Если бы дело происходило где-нибудь на равнине, десятник мог бы довольствоваться только спинами товарищей. Увы, высоким ростом он похвастаться не мог, но и коротышкой его назвать никак нельзя. Гордая середина, такая же, как и у большинства солдат в этом войске.

Вдруг, над вражеским лагерем начала подниматься черная туча...

- Щиты вверх!!! - прозвучал громогласный рев сира Берка. Балиану даже почудились истеричные нотки в его голосе. Однако, по вбитой намертво привычке он не стал размышлять, что, да как, и повторил приказ в силу своей глотки, одновременно, поднимая над головой щит.

- Быстро, Лорви, ты – сучий выблядок!!! – замешкался один из его подчиненных, и он решил поторопить его. Но было уже поздно, прямо в незащищенное лицо придурка вонзилась стрела. Не успело тело упасть, как в него возилась еще парочка.

В это время по щитам тех, кто успел прикрыться, тоже забарабанили стрелы. В основном, они просто отскакивали, но были и такие, что пробивали щиты насквозь. Из-за чего в десятке Балиана уже появилась тройка раненых, помимо погибшего Лорви. Самому десятнику удалось избежать ранений, хотя его щит пробило уже четыре стрелы. Судя по всему, им не повезло попасть, чуть ли не, в центр намеченной врагами области обстрела.

В какой-то момент стрелы перестали сыпаться на них. Но Балиан не опускал щит и не давал на это команды. Однако вскоре такая команда пронеслась по войску, и он смог таки опустить его, продублировав это своим подчиненным. Первое, что заметил десятник, так это то, что все вокруг приобрело какой-то золотистый оттенок. Затем он поднял глаза повыше и с удивлением, перерастающим в изумление, увидел, как летящие от врагов стрелы разбиваются о невидимую преграду и падают на землю. И не один он стоял с раскрытым ртом, пялясь на небо. Этим была занята практически вся армия. По крайней мере, он не видел тех, кто не смотрел бы наверх.

Однако их ждало еще более удивительное зрелище. Прямо с солнца начал спускаться сияющий ослепительным светом шар. Через пару минут, когда он приблизился, стало понятно, что это состоящий белого света дракон. Определить его размер было несколько затруднительно, при взгляде на него глаза начинали болеть и слепнуть. Потом дракон спикировал прямо над ними, свет, исходивший от него, осветил практически все войско. Пришлось зажмуриться, чтобы защитить глаза от этого слепящего света.

Вскоре послышался треск, очень похожий на то, как трещит огонь, когда туда кидают сухие листья, только намного сильнее. Из любопытства Балиан решил посмотреть, что там происходит, но тут же снова зажмурился, прикрыв глаза рукой. Этот проклятый свет! Он был буквально повсюду, как тогда, в особняке градоначальника. Но если в тот момент свет был теплый и мягкий, то сейчас он был слишком яркий и резкий.

Длилось это несколько минут и кончилось звуком рога, а затем по войску пошла непривычная команда «Открыть глаза!». Сам Балиан повторил ее, не успев выполнить самому. Глаза отчаянно слезились и никак не хотели открываться. К тому же, огромные цветные пятна не давали ничего разглядеть в метре от себя.

Когда десятник смог более или менее сносно видеть, ему предстало зрелище обгорелых головешек на месте недавно целых построек и ровная земля на месте рва, будто его и не было никогда на этом месте. Через полчаса, когда суматоха в рядах солдат улеглась, порядок был восстановлен, и все наконец-таки восстановили зрение, войско двинулось вперед.

Подойдя к сгоревшему лагерю, Балиан ощутил ни с чем несравнимый аромат паленого человеческого мяса. Желудок тут же подскочил к горлу, обещая извергнуть наружу съеденный не так давно завтрак. Однако сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, а также начав дышать ртом, ему удалось сдержаться. Чего нельзя сказать о его подчиненных. Пятеро из девяти, согнувшись пополам, самозабвенно блевали себе на сапоги. И такое происходило повсюду. Строй просто катастрофически рушился. Запах был очень уж плотным и отвратительным. А в армии очень много рекрутов, которые сталкиваются с подобным впервые в жизни.

Опять зазвучали рога и команды остановиться. Снова пришлось восстанавливать боевой порядок. Внезапно Балиан почувствовал, будто его коснулось что-то невидимое, похожее на

свежий морской бриз с брызгами соленой воды. Довольно приятное ощущение, которое весьма быстро прошло, и вместе с ним ушли какие-либо позывы к рвоте, желудок перестал бунтовать. Стало даже лучше, чем до этого. Пропала усталость, накопленная за полдня марша. Оглядевшись, десятник увидел, что с его подчиненными происходит то же самое. Те, кто опорожняли желудок, стали выпрямляться и вытирать рты тыльной стороной ладони. У тех же, кто оказались более крепкими, в облегчении разглаживались лица, скривившиеся до того в гримасе отвращения.

Найдя взглядом скачущего впереди конного строя короля, Балиан принялся сверлить его пристальным взглядом. После всего он уже, кажется, разучился удивляться. Сначала непонятная защита, прикрывшая всех их от стрел, потом спустившийся с неба дракон, уничтоживший врагов у них на пути. А теперь что? Каким же могуществом он обладает? Или это Семеро творят свою волю через него? Неужели их отрядный септон прав, и этот новый король – Избранник Семерых? Даже произошедшее в особняке градоначальника не до конца его убедило. В конце концов, есть же всякие колдуны. Почему бы Рейегару Таргариену не оказаться им? Да, Балиан был очень благодарен ему за излечение и даже готов был служить ему не за страх, а за совесть. Однако все увиденное сегодня не оставляло никакого другого объяснения, кроме вмешательства богов. Ну не может обычный человек, даже колдун, обладать таким могуществом.

Из раздумий десятника вывел звук рога и рев сира Берка, командующего идти вперед. Как и положено, точно такие же команды слышались везде, по всему войску. Они идут в бой. Хотя какой там бой? Хорошо, если найдется какой-нибудь полумертвый бедолага, которого они добьют.

Несмотря на то, что они шли боевым порядком, опасаться им было некого. Расслабленность, скука и желание, как можно скорее пройти сквозь неприятное место.

Горелые остовы каких-то построек, остатки частокола. Едва различимые человеческие останки, которые можно было заметить только по почерневшему железу на них. И пепел, тонким слоем покрывающий землю. Волей неволей от такого зрелища становится не по себе. Балиан сразу же представил, что легко мог оказаться на месте этих бедолаг. Если бы родился на соседнем острове и пошел гребцом на корабль совсем другого лорда.

Обстановка нервировала даже Балиана, что уж говорить о его подчиненных, то и дело притормаживающих, видя очередной выгоревший труп. Он орал и крыл их трехэтажным матом не столько дисциплины для, но и выплескивая на них собственный страх и неуверенность.

И вот, совершенно внезапно, заставляя кровь стечь в жилах, раздался громогласных нечеловеческий рев сотен глоток. Прямо из-под земли выскочила и понеслась на них целая орда злых, орущих демонов. Балиан настолько растерялся, и, чисто на рефлексах, без участия разума, попытался броситься наутек. Но не вышло, позади были только бесконечные ряды солдат, которые то ли впали в ступор от страха, то ли оказались храбрее, но они не собирались никуда бежать. Это немного отрезвило десятника, он взял себя в руки и повернулся вперед, чтобы увидеть, как драпающие передние ряды безжалостно режут подбежавшие «демоны».

Никакие это были не демоны, а просто люди, солдаты. Безумно злые и малость закопченые, отчего их лица почернели. Балиан не знал, откуда они выскочили, да это и не важно! Главное, что эти сволочи в мгновение ока поломали им строй и уже вырезали три передних ряда. Если все так будет продолжаться и дальше, он же окажется впереди! Опять!

К счастью, ему не пришлось в одиночку приводить в чувство паникующих солдат, этим уже

занимался сир Берк и септон Гейл. Получалось у них, правда, так себе. Из-за воцарившегося хаоса их просто не было слышно. В конце концов, произошло то, чего Балиан так отчаянно не хотел - ему пришлось сражаться.

Воткнув копье в грудь одному из врагов, только что разрубившему голову стоящего впереди солдата, десятник отбросил на хрен эту, слишком длинную палку и взялся за топор.

- Держать позицию, суки!!! Держать позицию!!! - надрывался он, всеми силами стараясь перекричать стоящий на поле битвы гомон.

Но долго орать ему не дали. На него обратил внимание двухметровый детина с молотом и попытался превратить в отбивное мясо. Балиан рефлекторно подставил щит под удар, но это решение оказалось очень неудачным. Деревянный щит развалился на куски, самого же десятника отбросило на пару метров. Не успев даже подняться и что-нибудь сделать, он увидел занесенный над собой молот и оскаленную пасть на обожженной роже.

Краем сознания Балиан уже приготовился к быстрой смерти. Но этого не произошло. Готовившийся опустить свой молот здоровяк, вдруг, изменился в лице, покачнулся и упал на землю, выпустив изо рта сгусток крови. Позади рухнувшего воина робко стоял, Доккен, один из его подчиненных и с неверием смотрел на упавшего здоровяка, из спины которого торчал обломок копейного древка.

- Не спи, долбодятел! - крикнул десятник молоденькому солдату, быстро вскакивая на ноги. Ему чуть было не отчекрыжил башку какой-то подскочивший сзади хрен. Благо, он вовремя среагировал, метнув во врага свой топор, который попал врагу в грудь, чуть оглушил его, но не пробил кирасу.

Бросившись к потерявшему равновесие врагу, Балиан стукнул его собственным шлемом по лицу и принялся мутузить его таким способом, пока его лицо не превратилось в кровавую кашу. Отобрав у то ли трупа, то ли вырубившегося солдата меч и щит, он огляделся по сторонам. Все смешалось в череду отдельных схваток, никого порядка ни у них, ни у врагов не было уже единого строя.

- Да что ж ты, *****, делаешь, здесь тебе не родной свинарник, здесь порешить могут! Следи за обстановкой, долбоклюй!!! - ему снова пришлось спасать этого олуха, Доккена, который пялился на него во все глаза, чуть было не познакомившись с моргенштерном.

Не успел его подчиненный обнажить свой топор, как на них накинута уже слаженная тройка с золотым оленем на коттах. Двое были со стандартными одноручными мечами и щитами, а третий сжимал в руках увесистый двуручник. К удивлению Балиана, этот деревенский олух с воинственным кличем кинулся на врагов. Не став терять время, десятник бросился сразу же за ним. А то ведь пропадет парень!

Пока тройка чуть отвлеклась на это орущее недоразумение, Балиан всадил двуручному бойцу меч прямо в горло. Не став дальше смотреть на дело рук своих, десятник пихнул подчиненного ногой в сторону. А то, его уже чуть не обезглавили. Мечи врагов встретил лишь воздух. Собираясь обезглавить одного из мечников, он смог лишь оставить порез на щеке. Сволочь оказалась слишком проворная! Теперь уже ему грозила опасность быть нашинкованным. Эти двое очень умело работали в паре, совместно отбивая все выпады и оттесняя его вперед, туда, откуда вылезли «демоны».

Тут откуда-то опять вылез Доккен, но в этот раз ему не повезло, один из врагов оказался внимательнее, долбанув рекрута по лицу рукояткой меча. Провезти добивающий удар не дал

уже сам Балиан, всячески отвлекая на себя этих двоих.

Он не знал, сколько уже так «танцует», но кажется, что очень долго. Пот застилает ему глаза, поддоспешник неприятно липнет к телу, а конечности наливаются свинцом. Если кто-нибудь из двойки не допустит какую-нибудь критическую ошибку, ему конец, Ну, или к нему придут на помощь.

Неожиданно над полем боя разнеслось пение рогов. Вражеских. Балиан сразу же это понял. Тональность несколько отличалась от привычной.

После довольно протяжного звука его противники перестали столь рьяно атаковать. Более того, они стали отступать от него. А поняв, что он не собирается их преследовать, ибо слишком вымотался для этого, побежали куда-то в сторону. И повсюду происходило то же самое. Враги отступали. Организованно, но довольно поспешно.

Оперевшись на меч, Балиан опустился на одно колено. Он ужасно устал. Поставив минуту в такой позе, он заковылял к своим. Посреди горелых обломков их войско вновь собиралось в какое-то подобие строя. Вдруг, среди прочих звуков десятник выделил отдаленный топот, от которого немного дрожала земля. И чем дальше, тем больше этот топот усиливался. Повернувшись назад, он увидел то, что убило все его надежды дожить до заката. Прямо от Драконьего Камня на них несся отряд рыцарей, над которым развевалось большое знамя с золотым оленем на черном поле, личный штандарт Станниса Баратеона.

* Так как Мартин не слишком подробно описывал богов, которым поклоняются в Вольных Городах, мне пришлось добавить немного собственной фантазии. Гестинда - богиня любви и красоты, покровительница дам с пониженной социальной ответственностью. Почитают ее практически во всех Вольных Городах, кроме Браавоса и Волантиса. Обычно изображается в виде прекрасной, полуодетой рыжеволосой девицы с высоким бюстом. Эгур - бог морей и океанов. Покровительствует всем профессиям так или иначе связанным с морем. В Лисе, Мире и Тироше занимает место главы пантеона. Изображают в виде высокого мужчины в доспехах цвета морской волны с копьем в руке. Имеет густую шевелюру светло-зеленого цвета и бороду до пояса.

<http://tl.rulate.ru/book/23630/584705>